

Л. И. СКОКОВА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПЕРЕВОДОМ
А. С. ПУШКИНА ОТРЫВКА ПОЭМЫ
А. МИЦКЕВИЧА «КОНРАД ВАЛЛЕНРОД»

На XX Пушкинской конференции в Ленинграде (июнь 1969 г.) Я. Л. Левкович в докладе «Переводы Пушкина из Мицкевича», рассматривая перевод вступления к «Конраду Валленроду», высказала мысль, что это не перевод фрагмента из поэмы А. Мицкевича, а законченное по мысли стихотворение Пушкина. Это пушкинское стихотворение Я. Л. Левкович ставит в прямую связь с черновым наброском стихотворного послания 1824 г. «Графу Олизару». Переводы двух баллад Мицкевича и отрывка из его поэмы «являются конкретной иллюстрацией мысли Пушкина о нерасторжимости творческих контактов двух народов независимо от временных обстоятельств»¹.

Однако Д. Д. Благой связывает с посланием к графу Олизару не пушкинский перевод, а непосредственно вступление к поэме Мицкевича «Конрад Валленрод», в котором «национальной вражде символически противопоставляется мирное единение природы и искусства: на остров, находящийся среди водного потока, разделяющего враждующие племена, дружески слетаются соловьи с того и другого берега»². Таким образом, ставится под сомнение вывод Я. Л. Левкович о том, что пушкинский перевод — самостоятельное стихотворение, ибо Пушкин в этом случае точно передал мысль Мицкевича.

Поэма Мицкевича была опубликована в феврале 1828 г., а уже в марте этого года Пушкин переводит часть вступления к ней. Но еще в декабре 1827 г. Мицкевич приехал в Петербург. Целью его поездки было опубликование поэмы «Конрад Валленрод». Он надеялся также, что выхлопочет разрешение вернуться на родину. Мицкевич обратился за помощью к Пушкину. Сле

довательно, о замысле и содержании поэмы Пушкин знал еще в декабре 1827 г. от самого Мицкевича. И. К. Горский даже утверждает: «Еще до того, как поэма была напечатана, Пушкин в декабре 1827 г. перевел из нее вступление»³.

Принято считать, что дальнейшей работе над переводом Мицкевича Пушкину помешало увлечение работой над поэмой «Полтава».

Рассмотрим некоторые детали этого перевода в сравнении с польским оригиналом.

Sto lat mijáło, jak Zakon krzyżowy
We krwi pogaństwa północnego brodził;
Już Prusak szyję uchylił w okowy,
Lub ziemię oddał, a z duszą uchodził;
Niemiec za zbiegiem pozpuścił gonitwy,
Więził, mordował aż do granic Litwy⁴.

Так начинается Мицкевич свою поэму. Он показывает срок, в течение которого Орден крестоносцев поработал «огнем и мечом» пруссов. И вот, наконец, пруссы перестали сопротивляться и либо покорились, либо, оставляя свои земли немцам, бежали в Литву, но немцы преследовали беглецов, им нужны не только земли: насаждая христианство, они истребляют язычников.

Пушкин эти шесть стихов перевел тоже шестью стихами. Однако содержание их иное. Словосочетание *Zakon krzyżowy*, Орден крестоносцев, Пушкин переводит одним словом — *тевтон*. На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного: именно Тевтонский орден в свое время стремился к захвату Прибалтики. Итак, Пушкин «уточняет» Мицкевича, конкретизирует историческую деталь, но, казалось бы, не уходит от мысли польского поэта. Однако следующая строка перевода, напротив, точное, конкретное понятие Мицкевича делает более общим и в какой-то степени неопределенным. «*We krwi pogaństwa*» Пушкин переводит «в крови неверных». *Поганый* — язычник (от латинского *paganus*). *Неверный* — слово многозначное уже во времена Пушкина. Одним из его толкований является обозначение человека какой-то иной веры, но оно не обозначало язычника. Таким образом, Пушкин преднамеренно снимает историческую окраску факта.

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался.

В отличие от Мицкевича Пушкина не интересует, как долго шел процесс порабощения крестоносцами языческих прусских племен. Пушкин констатирует факт: тевтон в крови неверных окупался, это произошло сто лет назад. А что теперь, что стало результатом этого события? Вот что интересно русскому поэту. И далее у Пушкина следует строка, которой совсем нет у Мицкевича:

Страной полночной правил он.

Получается нечто интересное:

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.

Совершенно очевидно, что Пушкин, не нарушая исторической правды, нарочито снимает оттенок исторической конкретности, его строки носят более общий характер, что дает читателю право более свободно, чем у Мицкевича, интерпретировать его слова.

Уже прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу,—

заканчивает строфу Пушкин. Он и в этой части строфы иначе освещает факт. Русский поэт игнорирует мысль Мицкевича о том, что немец преследовал беглецов и убивал их. Тем самым Пушкин снимает вопрос о религиозной окраске захватнических походов крестоносцев. Очевидно, не борьба крестоносцев с язычниками интересует его.

Вторая строфа у Мицкевича начинается:

Niemien rozdziela Litwinów od wrogów,

то есть «Неман отделяет литвинов от врагов». А у Пушкина читаем:

Между враждебными берегами
Струился Немен...

Поэт настойчиво проводит мысль о *постоянной* враждебности двух берегов:

Ток Немена гостеприимный,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них!

У Мицкевича: Неман, издавна славившийся гостеприимством, соединявший земли братских народов... А у Пушкина Неман — «свидетель их вражды взаимной».

И снова мы возвращаемся к тому, что Пушкина не интересует процесс порабощения немцами пруссов и его результат — ассимиляция родственных литовцам прусских племен немцами. Грустно заключает Мицкевич:

Tak Niemen, dawniej słynny z gościnności,
Łączący bratnich narodów dzierzawy,
Już teraz dla nich był progiem wieczności...

А Пушкин в этом месте опять вставляет строку, которой тоже нет среди стихов Мицкевича:

Сношений дружных глас утих...

О каких «сношениях дружных» вспомнил Пушкин, трудно сказать. Но совершенно очевидно, что строка эта меняет содержание мысли Мицкевича, а следовательно, вставлена Пушкиным сознательно.

Мицкевич:

I ci, i owi pilnują przeprawę,
Tak Niemen, dawniej słynny z gościnności,
Łączący bratnich narodów dzierzawy,
Już teraz dla nich był progiem wieczności,
I nikt, bez straty życia lub swobody,
Nie mógł przestąpić zakazanej wody.

Пушкин:

Всяк переправу охранял
Ток Немана гостеприимный,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы

Причем, что это «лишняя» строка, что этой мысли нет у Мицкевича, Пушкин подчеркивает тем, что после строк о Немане, который у Мицкевича соединял когда-то земли братских народов, ставит точку с запятой, объединяя эту строку с последующими двумя стихами, но не со строчками о Немане:

Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.

То есть всякий, кто посмеет установить вновь «дружные» (дружеские) сношения с «враждебным берегом», будет лишен жизни или свободы. Вот мысль Пушкина.

Интересна и такая деталь перевода. Мицкевич пишет:

Tylko gałązka litewskiego chmielu,
Wdziękami pruskiej topoli ęccona...⁶

Он помнит, что пруссы и литовцы — родственные племена, поэтому природа не может покориться завоевателю-чужеземцу, она остается литовской и прусской. Но Пушкин «русский тополь» заменяет «немецкой тополью»:

Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный...

То есть Пушкин четко определяет национальное различие, подчеркивая, в отличие от Мицкевича, как раз неродственность «племен». Далее. У Мицкевича любовный мотив: обыгрывая грамматический род двух существительных (в польском языке *хмель* — существительное мужского рода, а *тополь* — женского), польский поэт соединяет на «чужом берегу» двух влюбленных. У Пушкина же мотив дружбы, а не любви, несмотря на то, что разница в грамматическом роде сохраняется поэтом:

Лишь хмель литовских берегов
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.

«Сношений дружных глас утих», но дружба преодолевает преграды.

Итак, Пушкин воспользовался началом поэмы Мицкевича как канвой, чтобы выткать на ней свой узор. Когда же этот «узор» был закончен, он оставил «перевод» поэмы. Важно отметить, что Пушкин не все вступление перевел. Он остановился как раз там, откуда начинаются переходные строки, перекидывающие мостик уже к самой поэме. Это косвенное свидетельство того, что Пушкин, очевидно, и не думал переводить всю поэму. Но почему же он обратился к этому отрывку из поэмы Мицкевича? Ответ на этот вопрос не входит

в задачи настоящей статьи. Однако заметим, что первая треть XIX в. ознаменована для России процессом становления *национального* сознания. Россия вступает в завершающий этап формирования русской нации. Поэтому национальные вопросы, в частности вопрос о международных связях, являются животрепещущими вопросами пушкинского времени. В этой связи интерес Пушкина к «песням» других народов, тем более родственных русскому, не случаен. Несомненно, что национальный вопрос является ведущей темой стихотворения Пушкина «Сто лет минуло». Однако ошибочно было бы считать, будто Пушкин утверждает национальную безликость поэзии, для которой «нет государственных границ». Никакой политический спор Пушкин никогда не переносит в область поэтического соревнования. Но решение вопроса о русской нации для Пушкина всегда связано с общеевропейским развитием. Поэт не замыкается в узкие националистические рамки. Национализм чужд ему. Он решает национальный вопрос с интернациональных позиций. Утверждением дружбы народов, международных связей, утверждением того, что национальная вражда — явление противоестественное, и проникнуто стихотворение «Сто лет минуло». Свою «интернациональную» позицию Пушкин подчеркивает именно тем, что «вышивает» русский узор по польской канве. То, что каркасом для своего стихотворения Пушкин сделал «чужой» текст, есть специальный лингво-стилистический прием для утверждения естественности международных связей. Вот почему Пушкин заменяет «пруссский тополь» на «немецкий»: не родственность племен ему важно подчеркнуть, а дружеские отношения между различными нациями. И то, что этот «чужой» текст оказался польским, тоже не случайно. Пушкин не уходит от политического спора, а, напротив, очень четко определяет свою позицию в этом споре. Вечная вражда «двух берегов» противоестественна.

Однако пушкинские стихи никогда не бывают однозначны. Но, повторяю, исследование вопроса, что хотел сказать Пушкин и что он сказал своим стихотворением, не входит в задачи настоящей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Русская литература», 1969 г., № 4, стр. 228.
  - ² Д. Б л а г о й. От Кантемира до наших дней. Изд. «Художественная литература», 1973 г., стр. 305—306.
  - ³ И. К. Г о р с к и й. Адам Мицкевич. Изд. АН СССР, 1955, стр. 119.
  - ⁴ Сто лет уже истекало, как Орден крестоносцев
Утопал в крови северных язычников;
Уже прусс склонил шею в оковы
Или землю отдал, а сам ушел, унося свою душу (а с душою
ушел),
Немец за беглецом посылал погоню,
Захватывал (догонял беглецов), убивал, до самых границ
Литвы.
  - ⁵ Так Неман, издавна славившийся гостеприимством,
Соединявший земли братских народов,
Был теперь для них порогом вечности.
  - ⁶ Только веточка литовского хмеля,
Плененная красотой прусского тополя..
-

ВОЛГОГРАДСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. С. СЕРАФИМОВИЧА

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И СТИЛЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Редколлегия: *Д. Н. Медриш* (отв. редактор),
С. Л. Мухина, Н. И. Слободская, М. Л. Снегирева.

ВОЛГОГРАД, 1975